

Значеніе Лихудовъ въ исторіи русскаго церковнаго просвѣщенія и церковной жизни ¹⁾.

Ваше Преосвященство,
Милостивые Государи.

XVII вѣкъ богатъ просвѣтительными начинаніями. Русское правительство и русское общество предпринимаетъ рядъ попытокъ устроить и упрочить дѣло русскаго просвѣщенія. Съ востока отъ Грековъ идутъ постоянныя напоминанія, что пора, давно пора въ Москвѣ устроить правильно организованную высшую школу, которая бы и для Россіи служила источникомъ просвѣщенія, да и въ самой Гредіи поддерживала искру мудрости, готовную погаснуть окончательно. Отъ латинскихъ народовъ Европы то же не разъ поступаютъ въ Москву заманчивыя предложенія услугъ дѣлу русскаго просвѣщенія. Но всѣ эти попытки и предложенія только въ самомъ концѣ XVII вѣка, съ прибытіемъ Лихудовъ и съ устройствомъ славяно-греко-латинской Академіи получили надлежащее разрѣшеніе.

Вотъ почему въ исторіи русскаго просвѣщенія братья Лихуды занимаютъ такое видное положеніе. Съ нихъ именно начинается исторія правильно-организованнаго, существующаго на счетъ правительственной субсидіи церковно-школьнаго просвѣщенія Великой Россіи.

Мы не будемъ передавать здѣсь подробности устройства и организациі Славяно-греко-латинской Академіи, греческой и

¹⁾ Речь, произнесенная 28-го Сент сего года предъ защитою магистерской диссертациі „Братья Лихуды Опытъ изслѣдованія изъ исторіи церковнаго просвѣщенія и церковной жизни конца XVII и начала XVIII вѣковъ. СПб. 1899.“

Новгородской архіерейской школь, въ которыхъ преподавали братья Лихуды. Эти подробности желающіе могутъ найти въ нашей книгѣ. Скажемъ одно, что просвѣтительное вліяніе Лихудовъ было широко и благотворно. И, прежде всего, благодаря имъ русская школа XVII-го и начала XVIII вѣка въ значительной своей части избѣжала крайностей односторонняго латино-польскаго направленія, а русское общество, неустойчивое и шаткое въ своихъ убѣжденіяхъ и взглядахъ, значительно отрезвилось отъ односторонняго увлеченія латино-польскою культурою, которое могло вести и дѣйствительно вело за собою распатанность и въ жизни и во взглядахъ и было весьма опасно для неокрѣпшей еще русской богословской науки.

Но этимъ не ограничивается значеніе просвѣтительной дѣятельности Лихудовъ. Гораздо выше положительное вліяніе ученыхъ братьевъ на ростъ русскаго просвѣщенія, выразившееся въ цѣломъ рядѣ ученыхъ сочиненій и въ ихъ школьныхъ трудахъ. За время ихъ учительства въ Москвѣ и въ Новгородѣ они подготовили не мало вполне образованныхъ воспитанниковъ, каковы: Ѳеодоръ Поликарповъ, Николай Семеновъ, Алексѣй Барсовъ, монахи Косма, Ѳеологъ, Іовъ, Палладій Роговъ, докторъ Постниковъ, а изъ позднѣйшихъ Ѳеодоръ Максимовъ. Всѣ они заявили себя плодотворною дѣятельностію на разныхъ поприщахъ науки и жизни, и ихъ имена служатъ лучшимъ доказательствомъ благотворнаго вліянія Лихудовъ на русскую церковную и общественную жизнь. Признавая это вліяніе, Св. Синодъ въ указѣ отъ 17 февраля 1723 года называетъ труды ученыхъ братьевъ по обученію Россійскаго юношества „достохвальными, полезными и всѣмъ извѣстными“. Такой отзывъ со стороны высшаго правительства Русской Церкви служитъ лучшей оцѣнкой учебной дѣятельности Лихудовъ и лучшимъ для нихъ памятникомъ.

Что касается въ частности научно-литературной дѣятельности Лихудовъ, то, по обстоятельствамъ времени, она получила по преимуществу полемико-апологетическій характеръ и направлялась то противъ латинянъ, то противъ лютеранъ и кальвинистовъ. Особенное значеніе и извѣстность получила ихъ полемика противъ латинянъ по вопросу о времени пресуществленія свягыхъ даровъ. Независимо отъ литератур-

ныхъ трудовъ, въ спорѣ по этому вопросу огромное значеніе имѣла та нравственная поддержка, которую оказали Лихуды защитникамъ православія. Определить степень вліянія, какое имѣли Лихуды на этихъ послѣднихъ и, вообще, ту долю участія, какая принадлежитъ Лихудамъ въ исторіи этого спора, въ значительной мѣрѣ составляетъ задачу нашего изслѣдованія. Позволимъ себѣ нѣсколько подробнѣе остановиться на этомъ вопросѣ.

Какое значеніе принадлежитъ Лихудамъ въ исторіи спорнаго вопроса о времени пресущественія? Былъ-ли онъ ими принесенъ въ Москву, или же былъ поставленъ здѣсь еще до ихъ пребыванія? и можно-ли ихъ именно считать виновниками споровъ о времени пресущественія?

Въ отвѣтахъ на эти вопросы можно отмѣтить рѣзкую противоположность воззрѣній. Если одни, и большинство, обвиняютъ Медвѣдева и утверждаютъ, что онъ именно началъ полемику по спорному вопросу еще задолго до пріѣзда Лихудовъ, то другіе, напротивъ, находятъ, что „греки Лихуды пріѣхали на Москву и завели споръ о времени пресущественія св. евхаристіи“. Взглядъ этотъ, высказанный еще Митрополитомъ Евгеніемъ, въ послѣднее время усердно защищаетъ г. Прозоровскій, авторъ изслѣдованія о Сильвестрѣ Медвѣдевѣ. „Эта полемика, говоритъ онъ, могла возникнуть и дѣйствительно возникла на Руси только по пребываніи на Москву самобратіи Лихудовъ“.

Но почему же Лихуды избрали для спора именно этотъ вопросъ и почему онъ нашелъ сочувствіе въ русскомъ обществѣ и даже послужилъ предметомъ горячихъ споровъ? Вѣдь, должно же было что-нибудь повліять на ихъ выборъ. Съ другой стороны вопросъ неинтересный, неотвѣчающій запросамъ общества, само собою разумѣется, не могъ встрѣтить сочувствія со стороны этого послѣдняго, не могъ привлечь его вниманія, тѣмъ болѣе не могъ сдѣлаться предметомъ такого живого обсужденія, даже борьбы, какую онъ вызвалъ въ дѣйствительности. Ясно, что вопросъ этотъ уже назрѣлъ, что онъ былъ уже поставленъ, хотя и не успѣлъ еще сдѣлаться предметомъ литературной полемики. Въ своей книгѣ мы привели доказательства того, что въ Западно-русской и Московско-бogosловеской литературѣ вопросъ этотъ, дѣйствительно, былъ поставленъ давно. Правда, онъ еще

не служить предметомъ спеціальнаго обсужденія, онъ затрогивается стороною, такъ сказать попутно съ другими вопросами и интересуется русскихъ людей не столько теоретической, сколько практической, обрядовой своей стороною: ихъ занимаетъ вопросъ, когда именно слѣдуетъ совершать „богоугодное поклоненіе“ тѣлу и крови Христовой: во время-ли великаго выхода, во время-ли произнесенія словъ Христовыхъ—„примите, ядите и пійте“ или позднѣе, при произнесеніи молитвы: „и сотвори убо хлѣбъ сей“. и д. Но важно уже одно то, что богословская мысль занята этимъ вопросомъ и чувствуетъ нужду въ его разъясненіи. Въ рѣшеніи этого вопроса преобладаетъ латинское мнѣніе, но высказано и иное воззрѣніе (раскольническое), а въ Скрижали яспо выраженъ православный взглядъ. Церковная практика по спорному пункту такъ же не представляетъ должнаго единообразія.—Уже одно то, что съ церковной кафедры самимъ патріархомъ произносится слово „о благоговѣнномъ въ храмѣ стояніи“, въ которомъ осуждается одинъ обычай и предлагается другой, что разсылаются особыя посланія „о согласіи божественныя литургіи съ соборнымъ Чинovníкомъ, иже учиненъ въ 183 (1675-мъ) году“, какъ дѣлаетъ это Рязанскій митрополитъ Павелъ,—все это ясно показываетъ, что вопросъ о совершительномъ моментѣ таинства евхаристіи есть вопросъ времени, требующій, но не получившій еще, окончательнаго рѣшенія.

Разнообразіе церковной практики, явное противорѣчіе между Скрижалюю, Жезломъ Правленія и другими учительными книгами,—все это не могло не смущать благочестивыхъ русскихъ людей и естественно должно было вызвать и дѣйствительно вызвало среди нихъ недоумѣнія и породило вопросъ—гдѣ же правда? Эти недоумѣнія возникли прежде всего въ средѣ раскольниковъ, но они не прошли незамѣченными и со стороны православныхъ и оказали прямое вліяніе на дальнѣйшую разработку вопроса о времени пресуществленія. Все это наглядно показываетъ, какъ въ богословской литературѣ того времени, въ неопредѣленности и противорѣчивости ся воззрѣній относительно времени пресуществленія уже были даны условія, способныя вызвать послѣдующіе горячіе споры и ту полемику, которые дѣйствительно и начались.

Мы имѣемъ свидѣтельство о началѣ и происхожденіи спора о времени пресуществленія. Свидѣтельство это идетъ отъ Медвѣдева, т. е. отъ такого лица, которое никакъ нельзя заподозрить въ сочувствіи къ Лихудамъ. Вотъ что говоритъ онъ, объясняя происхожденіе спора: „Прежде о невѣрїи Христовымъ словесемъ нѣщїи точїю тайно и со опасенїемъ, до прїѣзду въ царствующїй градъ Москву іеромонаховъ грековъ Іоанникїя и Софронїя, по прозванїю Лихудовъ, россїйскимъ же языкомъ толкуется волченковъ, о томъ глаголаху и православный народъ оными лжетолковными своими словесы возмушаху. Егда же оїи греки, по прозванїю волченки, въ царствующїй градъ прїидоша—лестцы и законопреступницы Христовы,—какъ называетъ онъ защитниковъ православїя,—не тайно начаша глаголати“. Изъ этихъ словъ съ несомнѣнностію слѣдуетъ, что еще до прїѣзда Лихудовъ вопросъ о времени пресуществленія успѣлъ обратитъ на себя вниманіе Московскихъ книжныхъ людей и сдѣлался предметомъ обсужденія, пока еще устнаго.

Съ другой стороны есть основанія думать, что Лихуды еще до прїѣзда въ Россїю, на западѣ имѣли случай основательно познакомиться съ вопросомъ о пресуществленіи, такъ что предметъ Московскихъ недоумѣній былъ для нихъ хорошо извѣстенъ. Вотъ почему, вскорѣ по прїѣздѣ въ Москву, когда къ нимъ обратились за разъясненїями и поддержкой и не только сторонники православїя, но, можно думать, и ихъ противники, Лихуды рѣшили избрать этотъ вопросъ темою для публичнаго диспута съ Бѣлобоцскимъ. Открыто поставленный на публичномъ диспутѣ, вопросъ о времени пресуществленія, естественно, долженъ былъ обратитъ на себя вниманіе общества. И если доселѣ, по словамъ Медвѣдева, нѣщїи точїю тайно и со опасенїемъ глаголаху, т. е. если доселѣ имъ интересовалась только нѣкоторая, можетъ быть, дѣйствительно незначительная часть русскаго общества, то теперь этотъ вопросъ получилъ болѣе широкій интересъ и охватилъ болѣе широкій кругъ лицъ духовныхъ и свѣтскихъ. Православные почувствовали подъ собою почву и ободрились, латинствующїе были встревожены и „отягощены вредомъ усумнѣнїя“. Начались открытыя лренїя.

Политическія страсти и личные счеты, наконецъ искусная

дѣятельность іезуитовъ, все это придадо спору о времени пресуществленія страстный и бурный характеръ, какого, быть можетъ, онъ не получилъ-бы при болѣе спокойномъ настроеніи спорящихъ сторонъ. Но эта продолжительность и страстность спора не говоритъ ли вмѣстѣ съ тѣмъ и о томъ, что вопросъ о времени прееуществленія имѣлъ живое общественное значеніе и что правильное рѣшеніе его было въ высшей степени необходимо. Лихуды твердо стали на защиту православнаго пониманія этого вопроса и оказали сильное вліяніе на рѣшеніе его въ должномъ направленіи. Въ этомъ ихъ заслуга предъ русскою церковію.

Но если можно скептически относиться къ тому значенію, какое имѣли Лихуды въ исторіи вопроса о времени пресуществленія, то за то безспорно высокое заченіе для русской Церкви—другаго труда Лихудовъ (преимущественно Софронія): труда по исправленію и пересмотру славянскаго текста библіи Ветхаго Завѣта. Съ замѣчательно вѣрнымъ пониманіемъ потребностей русской Церкви, Лихуды добровольно предлагаютъ митр. Новгородскому Іову вмѣстѣ съ своими „старыми учениками“ заняться пересмотромъ и исправленіемъ славянскаго текста книгъ Ветхаго Завѣта. Митрополитъ Іовъ горячо отозвался на это предложеніе и началъ энергично хлопотать и предъ Императоромъ, и предъ сплными и вліятельными людьми того времени—графъ. Ник. Моис. Зотовымъ и княз. Ал. Дан. Меншиковымъ о томъ, чтобы „учителемъ Іоанникію и Софронію Лихудіевымъ“ поручено было „исполнити сіе богоугодное дѣло“. Не смотря на эти хлопоты, желаніе митроп. Іова на этотъ разъ не было исполнено—и только черезъ 6 лѣтъ, 14-го Ноября 1712 года именнымъ Высочайшимъ указомъ образована была коммиссія, которой поручалось „прочестъ словенскую библію и согласить во всемъ со греческою 70 преводниковъ библіею“. Достоинно замѣчанія, что въ составъ этой коммиссіи, кромѣ Софронія, который въ спискѣ исправителей занимаетъ первое мѣсто, вошли Теодоръ Поликарповъ, Николаѣй Семеновъ, Алексѣй Барсовъ и монахъ Θεологъ—все ученики Лихудовъ. Нѣкоторое, незначительное впрочемъ, участіе въ трудахъ коммиссіи принималъ и Іоанникій Лихудъ. Въ теченіе 7 лѣтъ коммиссія трудилась „со всякимъ усердно-тщательнымъ радѣніемъ“ и къ Іюлю 1720 года окончила свой сложный гдѣ

кропотливый трудъ, а къ 1723 году успѣла даже вторично пересмотрѣть и провѣрить исправленія пятокнижія Моисеева и книги Юва; и можно было ожидать, что трудъ Петровскихъ справщиковъ скоро выйдетъ въ свѣтъ. Но не такъ случилось въ дѣйствительности. Какія-то тайныя причины, объ истинномъ характерѣ которыхъ можно говорить только предположительно, остановили это святое дѣло на цѣлые 10-ть лѣтъ, и только въ 1735 г. вновь былъ поднятъ вопросъ о напечатаніи новоисправленной библіи. Организуется рядъ комиссій, которымъ поручается „освидѣтельствовать“ работу Петровскихъ правщиковъ—„исправно-ли во всемъ учинено“. Пятнадцать лѣтъ продолжается это свидѣтельствованіе и въ концѣ концовъ исправители Елизаветинскаго времени принятии почти всѣ исправленія, внесенныя комиссією Петровскихъ правщиковъ. Съ тѣхъ поръ славянскій текстъ ветхаго Завѣта, за ничтожными исключеніями, остается безъ всякихъ измѣненій и, такимъ образомъ, вотъ уже скоро 150 лѣтъ, какъ русская церковь имѣетъ во всеобщемъ употребленіи библейскій ветхозавѣтный текстъ, правленный Петровскою комиссією, въ которой Лихудамъ и непосредственно и посредствомъ (въ лицѣ учениковъ) принадлежитъ такое видное и почетное мѣсто.

Въ заключеніе скажемъ нѣсколько словъ о нравственномъ характерѣ Лихудовъ. Много темныхъ сторонъ указывали въ свое время въ этомъ характерѣ враги и недоброжелатели Лихудовъ. И дѣйствительно ихъ нравственный обликъ не чуждъ многихъ темныхъ пятенъ. Они не были людьми святого подвига и убѣжденія, какимъ выступаетъ, напр., другой просвѣтитель Россіи изъ Грековъ—преподобный Максимъ Грекъ. Съ большимъ правомъ ихъ можно сравнить съ другимъ ихъ единоплеменникомъ—Пансіемъ Лигаридомъ. Они такіе же странствующие интернаціоналисты, какъ и Лигаридъ. Подобно ему, они лукавы, льстивы и своекорыстны, на что справедливо указывали ихъ враги и недоброжелатели. Но было-бы грубою ошибкою видѣть въ Лихудахъ какихъ то профессиональныхъ интригановъ, а на ихъ противниковъ смотрѣть, какъ на кроткихъ овечекъ или невинныхъ жертвъ,—тенденція къ чему въ послѣднее время замѣчается въ исторической литературѣ. Пусть, быть можетъ, Лихуды виновны въ произшедшихъ при нихъ волненіяхъ и спо-

рахъ, но виновны, во всякомъ случаѣ, не болѣе своихъ противниковъ, которые тоже не только защищались, но и нападали, не только пассивноплыли по теченію, но и домогались побѣды съ энергіей, настойчивостію, и часто не разбирая средствъ. Напряженность и страстность борьбы которую должны были вынести Лихуды со своими противниками, объясняетъ и отчасти извѣщаетъ, какъ эту неразборчивость въ средствахъ, такъ, съ другой стороны,—дѣлаетъ понятными всю преувеличенность и односторонность обвиненій, на которыя такъ щедры враги и недоброжелатели Лихудовъ. Односторонность этихъ обвиненій восполняется лестными, и то-же нечуждыми преувеличеній, похвалами, которыя расточаютъ Лихудамъ ихъ сторонники и почитатели. Безпристрастно рассматривая эти похвалы и порицанія, мы должны сказать, что и тѣ и другія имѣютъ за собою извѣстную долю правды и рѣзкая противоположность между ними объясняется различіемъ мѣрки, которою оцѣнивали значеніе Лихудовъ ихъ враги и ихъ поклонники: одни цѣнили ихъ ученія заслуги, ради которыхъ они прощали Лихудамъ ихъ нравственные изъяны, другіе, напротивъ, видѣли только эти изъяны и не хотѣли видѣть ничего болѣе. Въ настоящее же время, когда не только можно, но и должно безпристрастно оцѣнивать событія и лица, Лихуды являются такими, какими они были: людьми своекорыстными, хитрыми, льстивыми, быть можетъ, людьми не твердыхъ убѣжденій, но образованными, умными и полезными дѣятелями.

М. Сменцовскій.
